

А. П. Чеховъ о литературѣ и театрѣ.

Марія Павловна Чехова выпускаетъ въ мартѣ шестой томъ переписки А. П. Чехова, заканчивающийся его послѣдними письмами, писанными за недѣлю до смерти. Въ письмахъ этого тома находимъ, между прочимъ, много любопытныхъ мыслей о литературѣ, о театрѣ; писатель дѣлаетъ цѣнные указанія артистамъ Художественнаго театра по поводу постановки своего „Вишневаго Сада“, обсуждаетъ будущій репертуаръ театра.

К. С. Алексѣеву-Станиславскому Чеховъ пишетъ о „Вишневомъ Саду“:

„Пьеса моя не готова, подвигается туговато, что объясняю я и лѣностью, и чудесной погодой, и трудностью сюжета. Когда будетъ готова пьеса, или передъ тѣмъ, какъ она будетъ готова, я напишу вамъ, или лучше буду телеграфировать. Ваша роль, кажется, вышла ничего себѣ, хотя впрочемъ судить не берусь, ибо въ пьесахъ вообще, при чтеніи ихъ понимаю весьма мало... Пьесы своей я читать вамъ не буду, ибо не умѣю читать, а только дамъ вамъ прочесть, конечно, если она будетъ готова...“

О той же пьесѣ Чеховъ пишетъ В. И. Немировичу-Данченко: „Ну-съ, что касается моей собственной пьесы „Вишневый Садъ“, то пока все обстоитъ благополучно. Я поменьшему работаю. Если немножко я опоздаю, то бѣда не велика, обязательную часть въ пьесѣ я свелъ до минимума, декораций никакихъ особенныхъ не потребуется и пороха выдумывать не придется...“

Трудно, очень трудно было писать второй актъ, во, кажется, вышелъ ничего...“

Наконѣцъ пьеса готова, и Чеховъ переписывается по поводу ея постановки съ артистами Художественнаго театра. „Я боюсь, пишетъ оль Немировичу-Данченко, — какъ бы у Ани не было плачущаго тона (ты почему не находишь ее похожей на Ирину), боюсь, что ее будетъ играть не молодая актриса. Аня на разѣ у меня не плачетъ, ницдѣ

не говорить плачущимъ тономъ, у нея во 2-мъ актѣ слезы на глазахъ, но тонъ веселый, живой. Почему ты въ телеграммѣ говоришь о томъ, что въ пьесѣ много плачущихъ? Гдѣ они? Только одна Варя, но это потому, что Варя — плакса по натурѣ и слезы ея не должны возбуждать въ зрителѣ унылаго чувства. Часто у меня встрѣчаются „сквозь слезы“, но это показываетъ только настроеніе лица, а не слезы. Во второмъ актѣ кладбища вѣтъ...“

Роль Лопухина, Чеховъ объясняетъ Станиславскому:

„Если она вамъ почему-либо не улыбается, то возьмите Гаева. Лопухинъ, правда, купецъ, но порядочный человекъ во всѣхъ смыслахъ, и держаться онъ долженъ вполнѣ благоприсойно, интеллигентно, не можно безъ фокусовъ, и мнѣ вотъ казалось, что эта роль, центральная въ пьесѣ, вышла бы у васъ блестяще...“

При выборѣ актера для этой роли, не надо упускать изъ виду, что Лопухина, любила Вѣра, серьезная дѣвица, кулачка бы она не полюбила...“

Въ письмѣ къ В. И. Немировичу Чеховъ характеризуетъ остальныхъ роли своей пьесы. Эта характеристика настолько тонка, и такъ ярко освѣщаетъ необразаемые Чеховыми типы, что мы позволимъ себѣ привести это письмо почти полностью:

„1) Аня можетъ играть кто угодно, хотя бы совсѣмъ невѣроятная актриса, лишь бы она была молода и походила на дѣвочку, и говорила бы молодымъ, звонкимъ голосомъ. Эта роль не изъ важныхъ.“

2) Варя посерьезнѣе роль, если бы ее взяла Марія Петровна (Лилина). Безъ М. П. эта роль выйдетъ и плосковатой и грубой, придется передѣлывать ее, смягчать. Повторится М. П. не можетъ, потому, во-первыхъ, что она талантливыи человекъ, и во-вторыхъ потому, что Варя не похожа на Со-

ню и Наташу; это фигура въ черномъ платьѣ, мо-
нашка, глупенькая плакса и проч. и проч.

3) Газевъ и Лопахинъ—эти роли пусть выбираетъ
и пробуетъ Конст. Серг. (Станиславскій). Если
бы онъ взялъ Лопахина и если бы ему эта роль
удалась, то пьеса имѣла бы успѣхъ. Вѣдь если
Лопахинъ будетъ блѣдень, исполненъ блѣднымъ ак-
теромъ, то пропадутъ и роль и пьеса.

5) Шарлотта... Муратова будетъ, быть можетъ,
хороша, но не симпатична. Это роль г-жи Клишперъ.

6) Епиходовъ—если хочетъ Москвитинъ, то быть
по сему. Выйдетъ великолѣпный Епиходовъ. Я
предполагалъ, что будетъ играть Лужскій.

7) Фирсъ—Артемъ.

8) Дуняша—Халюткина.

Шарлотта говорить не на ломанномъ, а чистомъ
русскомъ языкѣ, лишь изрѣдка она вмѣсто Ъ въ
концѣ слова произноситъ Ъ, и прилагательныя пу-
таетъ въ мужскомъ и женскомъ родѣ. Пишикъ рус-
скій, разбитый подагрой, старостью и сыгостью
старикъ, полный, одѣтый въ поддевку (а ла Си-
новъ), салоти безъ каблуконъ, Лопахинъ—бѣлая
жилетка и желтые башмаки, ходитъ, размахивая
руками, широко шагая, во время ходьбы думаетъ,
ходитъ по одной линіи. Волосы не короткіе, а
потому часто вскидываетъ головой, въ раздумьи
расчесываетъ бороду, сзади на передъ, т. е. отъ
шеи ко рту. Трофимовъ, кажется, асепъ. Вара—
черное платье, широкій поясъ.

Три года собирался я писать „В. С.“ и три
года говорить вамъ, чтобы вы пригласили актри-
су для роли Любовъ Андреевны. Вотъ теперь и
раскладываете пьесы, который никакъ не вы-
ходить...

По поводу декораций въ пьесѣ Чеховъ пишетъ:
„Домъ долженъ быть большой, солидный, деревян-
ный (въ родѣ Аксаковскаго, который кажется из-
вѣстенъ С. Т. Морозовъ), или каменный, это все
равно. Онъ очень старъ и великъ, дачники такихъ
домовъ не нанимаютъ, такіе дома обыкновенно ло-
маютъ и материалъ пускаютъ на постройку дачъ.
Мебель старинная стильная, солидная, разореніе и
вадомышленность не коснулись обстановки.

Когда покупаютъ такой домъ, то разсуждаютъ
такъ: дешевле и легче построить новый поменьше,
чѣмъ починить этотъ старый...”

„Дорогой Константину Сергѣевичъ,—возвращает-
ся Чеховъ къ вопросу о декорацияхъ,—конечно, для
III и IV актовъ можно одну декорацию, именно съ
передней лѣстницей. Вообще, пожалуйста, насчетъ
декораций, не стѣсняйтесь, я подчинюсь вамъ,
шумляюсъ и обыкновенно сажу у васъ въ театрѣ,
разинувъ ротъ. Тутъ въ разговорахъ быть не мо-
жетъ, что вы ни сдѣлаете, все будетъ прекрасно,
во сто разъ лучше всего того, что я могъ бы при-
думать.

Дуня в Епиходовъ при Лопахинѣ стоять, а не
сидятъ. Лопахинъ вѣдь держится свободно, бари-
номъ, говорить прислугѣ ты, а она ему—вы...”

Любопытно, что въ письмѣ къ А. С. Суворину
отъ 1902 г. Чеховъ такъ говоритъ о Художествен-
номъ театрѣ: „Я рѣдко бываю въ Художествен-
номъ театрѣ, но мнѣ кажется, что вы слишкомъ
преувеличиваете роль Станиславскаго, какъ ре-
жиссера. Это самый обыкновенный театръ и дѣло
тамъ очень обыкновенно, какъ вездѣ, только ак-
теры интеллигентные, очень порядочные люди, прав-
да, а талантами не блещутъ, но старательны, лю-
бить дѣло и участь роли. Если же многое не имѣ-
етъ успѣха, то или потому, что пьеса не годится,
или у актеровъ пороку не хватило. Станиславскій,
право, тутъ не причѣмъ. Вы пишете, что онъ вы-
гонитъ всѣ таланты со сцены, но вѣдь за всѣ
эти 5 лѣтъ, пока существуетъ театръ, не ушелъ
ни одинъ мало-мальски талантливый человекъ...”

Обсуждая вопросъ о репертуарѣ театра, Чеховъ
говоритъ: „Какъ бы ни перебирали „Ревизора“,
„Горе отъ ума“, „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ и проч.,
а все-таки въ концѣ концовъ придется поставить и
эти пьесы. И мнѣ кажется, что „Ревизоръ“ про-
шелъ бы у васъ замѣчательно. И „Женитьба“
тоже.

Во всякомъ случаѣ имѣть въ репертуарѣ эти
пьесы далеко не лишнее.

Мнѣ почему то начинаетъ казаться, что года че-

резь 3—4 ноября пьесы уже надобно и публика захочет вообще не новаго, а литературнаго репертуара. Быть может, я и ошибаюсь...

Въ эти годы Чеховъ переписывается съ В. Ф. Комиссаржевской, талантъ которой онъ очень цѣнилъ и даже собирался, какъ онъ ей сообщаетъ, написать пьесу лично для нея. „Не для театра того или другого, а для васъ. Это было моею давней мечтой. Ну, да какъ Богъ дастъ. Если бы мнѣ прежнее здоровье, то я и разговаривать не сталъ бы, а просто сѣлъ бы писать пьесу теперь же...“

А. П. поощряетъ Комиссаржевскую къ артистической дѣятельности и старается уберечь ее отъ пессимизма: „Вы пишете... „иду съ такой вѣрой, которая, если разобьется, убьетъ во мнѣ...“ и т. д. Совершенно справедливо, вы правы, только рад Создателя, не ставьте этого въ зависимость отъ новаго театра. Вы вѣдь артистка, а это то же самое, что хорошій морякъ: на какомъ бы пароходѣ, на казенномъ или частномъ, онъ ни плавалъ, онъ всюду—при всѣхъ обстоятельствахъ остается хорошимъ морякомъ...“

Очень любопытно въ новомъ томѣ переписка съ А. М. Горькимъ. Чеховъ высоко цѣнитъ его дарованіе, пишетъ о немъ своимъ друзьямъ, поощряетъ его къ дальнѣйшей работѣ и въ то же время постоянно указываетъ ему его недостатки. Такъ о пьесѣ „На днѣ“ Чеховъ пишетъ автору: „Изъ IV акта вы убели самыхъ интересныхъ дѣйствующихъ лицъ (кромя актера) и глядите теперь, чтобы чего нибудь не вышло отъ этого...“

Этотъ актъ можетъ показаться скучнымъ и нецѣльнымъ, особенно если съ уходомъ болѣе сильныхъ и интересныхъ актеровъ останутся одни только средніе. Смерть актера ужасна. Вы точно въ ухо даете зрителю, ни съ того ни съ сего, не подготовивъ его. Почему баронъ попалъ въ больницу, почему онъ есть баронъ—это тоже не достаточно ясно...“

Интересенъ отзывъ о Леонидѣ Андреевѣ: „Мысль“ Л. Андреева—это нечто претенциозное, недопонятное, и, повидѣнію, неужное, но та-

лантливо исполненное. Въ Андреевѣ нѣтъ простоты, и талантъ его напоминаетъ искусственнаго соловья. А вотъ Скиталецъ воробей, но за то живой настоящій воробей...“

Возможные писатели забрасывали Чехова своими книгами и рукописями. Прислала ему книгу для дѣтей князя С. Малкиель. По этому поводу Чеховъ пишетъ своей сестрѣ: „Отъ С. Малкиель получилъ книгу для дѣтей. Она забыла дѣтей прислать, иначе кому же книгу ея читать...“

Прислалъ Чехову свои книги и великій князь Константинъ Константиновичъ. Чеховъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ.

„Ваше Императорское Высочество Августейшій президентъ!

Я имѣлъ честь получить „Стихотворенія“ и „Трагедію о Гамлетѣ, принцѣ датскомъ“, книги, которыя я давно знаю и люблю, и къ которымъ питалъ глубокое уваженіе. Позвольте мнѣ, Ваше Императорское Высочество, почтительнѣйше просить васъ принять отъ меня это письмо, какъ выраженіе моей безграничной благодарности.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія имѣю честь пребывать Вашего Императорскаго Высочества всепреданнѣйшій *Антонъ Чеховъ*“.

18 февраля 1902 г. Ялта.

Письма и этого тома, какъ и всегда. Чеховъ пересылаетъ блестяще своего неподражаемаго юмора, но шутки уже рѣже встрѣчаются въ его письмахъ: писатель тяжело боленъ и настроеніе у него часто подавленное вследствие необходимости лежать въ постели и невозможности работать. Но все же онъ желаетъ И. А. Бунину: „прославиться на весь міръ, сойтись съ самой хорошенькой женщиной и выиграть 200 тысячъ по всѣмъ тремъ займамъ“, а по поводу своей женитьбы пишетъ И. Н. Потапенко: „Мои всѣ здравствуютъ, особенныхъ переменъ нѣтъ никакихъ. Впрочемъ, я женился. Не въ мои годы это какъ то даже не замѣтно, точно лысина на головѣ...“

О В-нѣ.